

1613 г.; Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. 76/1315 – Дозорная переписная книга вотчины Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г.; Писцовые книги на вотчины белозерских монастырей, выписи из Писцовой книги уезда на ряд поместных земель (СПбДА. А I/16 – Описание документов XIV–XVII вв. в копиях в книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 1994. № 36, 69, 71, 74, 75, 77, 103, 106, 142, 150–154, 160, 162, 183, 190, 192, 196, 207, 215, 237, 251, 253, 255, 257–259, 283, 285, 308, 311, 313, 322, 336, 337, 351, 355, 356, 416, 418, 423, 436, 438, 473, 474, 477, 544, 568, 629, 630, 631, 632, 640); Выпись из писцовой книги Белозерского уезда 1626–1627 гг. на церковные и монастырские земли (Вологодский гос. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № 525. Л. 263, 358); Выписи из Писцовой книги 1626–1627 гг. на поместья волостей Липинский Борок, Киснемской, Ирмы, Малой Веретьи (Музейное объединение г. Череповца. – см.: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 4. Вып. 2. Документы XVI–XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее. Вологда, 1984. С. 154–155. № 451–453).

⁶ Здесь и далее обилие сведения по станам взяты из итоговых записей Писцовой книги по станам (РГАДА. Ф 1209. Кн. 591. Л. 724об.–729; Кн. 592. Л. 423–426; 756об.–759).

⁷ Итоговые данные Писцовой книги по пашне требуют дополнительной проверки.

⁸ См.: РГАДА. Ф. 1209. Кн. 591. Л. 164, 268, 281об. и др.; Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1985. С. 172, 353.

ДУХОВНЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ ТЕРРИТОРИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА «ЧУЖОГО» В «СВОЕ»

Л. Г. Гороховская, Е. И. Нестерова

*Дальневосточный государственный технический университет
(Владивосток)*

Данная статья является попыткой авторов выявить образ присвоения в разных культурах – российской и китайской – нового (чужого) пространства, определить, посредством каких механизмов закреплялась в ментальности территория, какие знаковые системы выступали как доминирующие в этом процессе.

Обозначим некоторые исходные посылки. Когда речь идет о присвоении или освоении нового локуса, то в действие включаются глубинные

механизмы социокультурного поведения. Отношение к территории, к земле есть отношение архетипичное, оно вырабатывалось в архаическом прошлом, в т. н. наивной (народной) картине мира. Место, пространство присоединяется через процессы именования (имя вводит в контекст освоенного), через ритуалы освящения, и затем процесс освоенного пространства поддерживается покровителем территории (духами, духовными покровителями). В процессе колонизации Южно-Уссурийского края во второй половине XIX в. можно говорить о наличии двух колонизационных потоков: российского, имеющего статус официально-государственного, и азиатского миграционного потока, долгое время остававшегося нерегулируемым. Азиатский миграционный поток образован двумя составляющими – корейской и китайской.

Рассмотрим, как происходило закрепление территории в рамках русского колонизационного процесса.

Официальная государственная колонизация Россией территории Дальнего Востока в начальный период связана в основном с деятельностью военно-морских экспедиций, пристально изучавших береговую линию. Можно предположить, что присвоение пространства шло прежде всего через систему именования береговой линии, тогда как в отношении гор, долин, возвышенностей, рек и прочего сохранялась топонимия, уже имевшая место: либо автохтонного населения, либо китайская.

Эта топонимия в основном фиксировалась и сохранялась при исследовании сухопутной территории края экспедициями, отправлявшимися по заданиям различных государственных ведомств Российской империи. В государственном проекте крестьянской колонизации, активизировавшейся в 80–90 гг. XIX в., именование поселений в большинстве случаев шло по местам выхода переселенцев: *Киевка*, *Черниговка*, *Астраханка*. Данную традицию именования можно принять за некий культурный паттерн, характерный для колонизации и переселения, выявленный на европейском материале. Однако стремление назвать новое место жизни по имени исторической Родины вряд ли может указывать на освоение: присвоение нового пространства – это, скорее, способ простроить некую этнокультурную идентичность, т. е. воссоединиться с образом привычного, старого, обжитого мира – родины.

Обратимся к содержательному анализу русской топонимики на территории края: возможно, через имя новое пространство получало духовных покровителей?

В славянской архаической картине мира особо почитаемая земля определялась через понятие святости (Вся русская земля – *Святая Русь*). Сочетание *svet* связывалось с природными объектами – горами, водами и указывало на наличие и возрастание некой животворной субстанции,

на физически плодоносящую силу, дающую изобилие и процветание¹, и явно применялось к сакрально выделенным объектам. Вероятно, *святое место* – сакрально выделенный, освоенный топос. С принятием христианства идея святости (*святая земля*) переносится с территории на человека: *святая человек, святое дело, святое слово*. Исследования поморской культуры Русского Севера показали, что в роли покровителя моряков выступает святой Николай. В связи с этим обращает на себя внимание распространение культа Николая Чудотворца в Приморье.

В содержательном имяслове Приморской области тенденция духовного покровительства территории явно не обнаруживается. Топонимов, связанных с христианскими святыми, немного – не более десяти: заливы *Св. Ольги* и *Св. Владимира*, бухта *Св. Валентина*, мыс *Св. Олимпиады*, не выделяются они и в именовании поселений. Число святых имен, к примеру, в колонизации Америки несравненно больше.

В ряде номинаций прослеживается имперская идея: *Императорская гавань*, залив *Петра Великого*, пост *Владивосток*, пост *Александровский*... Большинство же названий береговой линии связано с перенесением имен кораблей – 60 названий: *Абрек*, *Стрелок*, *Новик* и т. д. и личных имен первопроходцев, в основном морского офицерского корпуса – 313 имен: б. *Бойсман*, о. *Римского-Корсакова*, о. *Рикорда*². Новая территория, открытая морскими экспедициями, присоединялась созданием военного поста или означивалась воздвижением креста и начертанием на нем данного месту имени³. Ритуал крестовоздвижения может интерпретироваться двояко. С одной стороны, крест – христианский символ, принятие которого означало вступление в сообщество церкви. Указанное коннотативное значение символа (крест) больше указывает на связь с отдельным человеком, чем с присваиваемой территорией. С другой стороны, изображение креста является важнейшим знаком архаического ритуала, где он как раз указывает на освоенность территории и противопоставляется хаотическому, а значит, и враждебному пространству. Можно предположить, что крестовоздвижение на глубинном уровне народного сознания идентифицировало именно присвоение пространства, а не приобщение к лону церкви.

Однако затем «освоенный», обустроенный крестом топос требовал закрепления в имени. И здесь могли бы сыграть свою роль в мироустройстве духовные покровители, но, как было показано выше, топонимические маркеры фиксировали в своем большинстве нейтральные на первый взгляд значения – имена людей и кораблей.

Попробуем выяснить культурную семантику фамильно-именного означивания.

Имя есть способ различения и выделения отличительных признаков. Топоним указывает на освоенность территории: *река с двумя устьями*,

река с лососем. В этом смысле примечательны оронимы, гидронимы автохтонного населения Дальнего Востока: *Сахалэ* – черный хребет, *Хан-канар* – белое озеро, *Кеньели* – плохая река, *Велагмиф* – земля ракушек⁴. Если рассматривать русскоязычные топонимы, то таких названий немного и появляются они большей частью на рубеже XIX и XX вв. Традиция именования по первопроходцам задает другую семантику отношения знака (имени) с денотатом (предметом именования), нежели в народной картине мира, где выделяются различительные признаки. Именованное по личному имени не указывает на них (*черный хребет*, *гнилое озеро*), тем самым не информирует посредством имени о практической, хозяйственной освоенности, обжитости пространства.

Мы сталкиваемся с двумя различными вариантами именования – народным и официально-государственным. В государственном варианте имя информирует не о самом предмете, а об открывшем его человеке, являющимся социальным актором, верноподданным Его Императорского Величества и состоящим на государственной службе. Таким образом, лично-фамильное именование создает систему означивания, основной функцией которой являлось коммуницирование по поводу государственной принадлежности.

Обратимся к китайскому материалу. Широкое распространение китайская топонимика в Приморье получила в 80–90 гг. XIX в. Анализ топонимики, проведенный Ф. В. Соловьевым, показал, что весь комплекс китайских географических названий можно разделить на несколько групп: объекты, именованные по внешним признакам: рр. *Ситухэ*, *Шетухэ* (Каменистая река), рр. *Ванга*, *Вангу* (Кривая речка); топонимы, включающие числительные: р. *Тудажоу* (Первая речка), *Ердажоу* (Вторая речка); топонимы, содержащие названия стран света: р. *Дунча* (Восточный приток), р. *Сица* (Западный приток), Сидатунь (Большой западный поселок); кальки китайских топонимов: гора *Лаохэ*, р. *Сигоу*; названия, информирующие о промысловой деятельности китайцев: рр. *Тяигоу*, *Тигигоу*, *Данигоу* (р. Соболиная) и т. д.; топонимы, имяобразователями которых выступают объекты растительного мира края: *Лицзыгоу* – Грушевая река (падь), *Янмутьхоуза* – Тополевая река⁵.

Таким образом, китайская топонимика Приморского края укладывается в рамки именования в наивной картине мира, призванной выделить объект из однородной природной среды, дать возможность различения, но не указывает на существование духовных покровителей территории. Принимая во внимание имевший место религиозный синкретизм, попытаемся выяснить, к каким богам апеллировали китайцы, оказавшись вдали от родины, и существовали ли покровители территории.

В описаниях русских путешественников, чиновников остались свидетельства о том, что в каждой фанзе, каждой деревне, на перекрестках

дорог и важных перевалах китайцы создавали *кумирни*, или, как их еще называли русские, *часовни*, *бурханы*⁶. Несмотря на то, что территория рассматривается как место временного пристанища, выделяются сакральные точки местности, маркируемые кумирнями, и при каждой фанзе сооружается алтарь. Даже беглый взгляд на список покровителей, приведенный В. К. Арсеньевым, приводит нас к заключению, что жившие в крае китайцы были анимистами, обожествлявшими силы природы и стремившимися в первую очередь установить «хорошие отношения» с местными духами. Однако китайцы – выходцы из страны, в которой к XIX в. уже на протяжении многих столетий существовал прекрасно разработанный пантеон богов, и можно констатировать, что китайцы, пришедшие в Уссурийский край, принесли с собой и наиболее почитаемых на родине богов в надежде, что они помогут им и на новой территории. Большинство покровителей должны были обеспечить нормальную жизнедеятельность и помогать в таежных и морских промыслах, занятиях сельским хозяйством, при этом обращает на себя внимание ряд фактов.

1. Полное отсутствие в Приморье очень популярных в старом Китае покровителей, связанных с семьей, – *Гуань Инь*, *Чжан-сяня*, приносящего сыновей, сонма богинь няннян, бога домашнего очага *Цзао-вана*, что связано с тем образом жизни, который вели здесь китайцы.

2. В дикой малозаселенной местности только двое покровителей непосредственно связаны с силами природы – *Лун-ван*, *Шань-жэнь*, частично *Лао-е*. Остальные должны обеспечивать нормальное функционирование различных сторон социальной жизни, что отражало приоритет этики и социальной политики в идеологической структуре традиционного китайского общества.

3. Показателен культ *Туди*: при отсутствии официального китайского гражданского управления Уссурийским краем китайцы все равно оставались в иерархично простроенном властном китайском пространстве, т. к. *Туди* – чиновник, управитель данной местности.

Таким образом, можно констатировать наличие процесса интериоризации территории обоими колонизационными потоками. Как китайский, так и русский поток означивают осваиваемую территорию. В русском варианте доминирует государственно-имперский подход, в китайском – именно строится по традиционной узальной норме. И в той и в другой культуре присутствуют ритуалы освящения территории, но в русской культуре значимость имеет факт первооткрытия места (крестовоздвижение), а в китайской – маркируется ценность места, его примечательность (перекресток дорог, изгиб реки, горный перевал). Явных покровителей территории удалось выявить только на китайском материале (*Туди*).

Несмотря на то, что на первый взгляд по формальным признакам территория китайцами интериоризируется (через имя, ритуалы, духовных

покровителей), отсутствие в центральной зоне культуры аксиологического осмысления земли приводит к тому, что этос колониста у китайцев не формируется. В то же время в русской традиции все происходит наоборот. Фактически земля (новый топос) присваивается, что позволяет поставить вопрос о значимости концепта «земли» в центральной зоне русской культуры и подвергнуть сомнению возможность оценки «глубины» освоения новой территории и степени переведенности «чужого» в «свое» по формальным признакам.

---

¹ См.: *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. С. 441.

² См.: *Груздев А. И.* Береговая черта: имя на карте. Владивосток, 1996.

³ См.: *Хисамутдинов А. А.* Terra ingognita... Владивосток, 1989. С. 124.

⁴ *Филология народов Дальнего Востока: (Ономастика).* Владивосток, 1977.

⁵ *Соловьев Ф. В.* Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973.

⁶ См., например: *Максимов С.* На Востоке. Поездка на Амур... СПб., 1864; *Арсеньев В. К.* Китайцы в Уссурийском крае. Владивосток, 1914; *Надаров И.* Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ ДРЕВНЕЙ СПАРТЫ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ

А. В. Зайков

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург)*

В современной науке до сих пор распространен взгляд на спартанское общество и государство как на «самое уродливое явление античности»¹, для которого характерно «окостенение всей общественной жизни и почти полная изоляция от внешнего мира, результатом чего был стремительный культурный упадок и духовное вырождение»². Подобного рода подход, на котором по-прежнему основываются – вольно или невольно – многие современные попытки исследовать данное общество, с неизбежностью приводит к выводу, что почти тысячелетняя история самостоятельного спартанского полиса представляла собой не более чем исторический курьез, некое недоразумение, своего рода «шрам» на классически